

НАРРАТИВНАЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru*

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с возникновением нового научного направления – нарративной экономики в контексте развития современного институционализма. В рамках современной экономической науки пионерные работы Р. Шиллера, Дж. Акерлофа и Д. Сноуера привлекли значительное внимание к вопросам исследования влияния нарративов на экономические процессы. В данной работе исследования нарративов рассматриваются через призму ответа на вопрос: как доминирующие в общественном дискурсе (коллективном, профессиональном, групповом) нарративы влияют на формирование (изменение) институтов. Нарративы имеют много общего с институтами потому, что чаще всего содержат в явной или неявной форме оценочные суждения по поводу социальных взаимодействий и нормативные аспекты, которые выражаются в описании шаблонов поведения. Идентификация доминирующих нарративов позволит лучше понять, какие институты и какое влияние оказывают на экономическое (социальное) действие. Структурирование повторяющихся взаимодействий между людьми осуществляется через понимание, принятие и усвоение правил. Понимание правил происходит посредством языка. Также важно, как посредством языка и нарративов (историй) мы формулируем и воспринимаем правила. Благодаря нарративам, как и институтам, акторы получают информацию и приобретают знание о возможностях различных видов социальной коммуникации. Распространение нарративов, особенно в век цифровых технологий, средств массовой информации и социальных сетей, способствует тиражированию и передаче смыслов и ценностей с учетом эффектов возрастающей отдачи. Включение нарративов наряду с институтами в круг релевантных исследовательских вопросов для современной экономической теории позволит задействовать значительный объем эмпирических данных, содействовать совершенствованию количественных и качественных методов и, главное, улучшить понимание сложных эволюционных экономических процессов.

Ключевые слова: институциональная экономика; нарративная экономика; правила; нормы; институты.

NARRATIVE AND INSTITUTIONAL ECONOMICS

VYACHESLAV V. VOLCHIK,

*Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru*

This article addresses a range of questions associated with the occurrence of a new field of study – narrative economics, which is considered in the context of modern institutionalism.

Pioneering works of R. Shiller, G. Akerlof and D. Snower spotlighted the importance of analyzing narratives and narrative influence when studying economic processes. In this paper, a qualitative study of narratives is seen through the prism of an answer to the question: «How do prescribed narratives influence institutions and change them? ». Narratives have much in common with institutions since very often, explicitly or implicitly, they contain value judgements about social interactions or normative aspects shaping behavioral patterns. The identification of dominating narratives enables us to understand better how institutions influence economic (social) action. Repeated interactions among social actors are structured through understanding and learning the rules. Understanding of social rules comes from the language – we articulate and perceive the rules drawing on common narratives. Narratives and institutions are helpful when actors gain knowledge about various forms of social communication. Digital technologies, mass media and social networking sites facilitate the spread of narratives, values and beliefs; this process is characterized by increasing returns. Studying narratives and institutions is crucial for modern economic theory because it helps to improve qualitative and quantitative methods of analyzing empirical evidence and enables researchers to understand complex economic processes.

Keywords: *institutional economics; narrative economics; rules; norms; institutions.*

JEL: *Z13; Z19; B52.*

Экономисты привыкли иметь дело с объективными (как им кажется) закономерностями. Строгость и наукообразность экономической дисциплины породили такое довольно спорное явление, как экономический империализм. Но постепенно экономический империализм вылился скорее в «экономический монополизм», в ходе которого другим социальным наукам настойчиво предлагались принцип максимизации полезности и модель самуэльсоновского человека, также известного как *Max U (McCloskey, 2016)*. Продолжая аналогию монополии, можно сказать, что монополистический империализм *Max U* вытеснил на периферию экономической науки конкурентный плюрализм междисциплинарности, оставив ее гетеродоксальным экономическим теориям (*Colander, 2009*). Более того, методологические барьеры в социальных науках остаются такими высокими и непроницаемыми, что даже при попытке следовать плюралистическим принципам в результате мы имеем скорее «дисфункциональный плюрализм» в общественных науках (*Colander, 2014*).

Однако в современной экономической теории начали осуществляться попытки если не разрушить, то пробить непреступные стены между социальными науками. Такие тенденции можно связать с торжеством междисциплинарности или набирающим силу плюрализмом, но также, возможно, это отражение фундаментальных сдвигов в социальном и технологическом развитии западной цивилизации.

Нарративная экономическая теория

Круг феноменов общественной жизни, которые подвергаются исследованиям экономистов, очень широк. Причиной этому служит сам предмет экономической теории, который связан прежде всего с проблемой выбора. В современных учебниках по экономической теории индивидуальный выбор и вовсе является признаком демаркации между экономическими и неэкономическими проблемами: «Каждая экономическая проблема на фундаментальном уровне включает вопрос индивидуального выбора – вопрос о решениях человека относительно того, что ему делать и что не делать. Фактически можно сказать, что если речь не идет об индивидуальном выборе, то разговор не касается экономикс» (*Кругман, Веллс и Олни, 2011, с. 35*). Действительно, если мы рассматриваем выбор относительно редких благ, то все, что влияет на этот выбор, может быть отнесено к релевантным феноменам для исследования экономистов.

Расширение круга релевантных исследовательских вопросов не всегда было и остается в почете у экономистов, особенно представителей мейнстрима. По этому поводу еще в середине XX в. Фридрих Хайек заметил, что экономист, остающийся лишь экономистом, скорее всего со временем станет помехой, если не потенциальной опасностью для исследовательской работы (*Hayek, 1956, p. 463*). Безусловно, не всяким популярным междисциплинарным новациям удастся закрепиться в экономической теории, но это будет результатом конкуренции идей, а результаты конкуренции предсказать невозможно, главное, чтобы сохранялась конкурентная среда (*Вольчик, 2003; 2015*).

В 2016 и 2017 г. вышел ряд статей, в которых было предложено включить в круг релевантных для экономической теории вопросов исследования нарративов и их влияния на экономические процессы. Почему в начале XXI в. в рамках экономической теории возникло понимание того, что выбор и поведение акторов во многом определяются нарративами? Нарративы имеют значение прежде всего потому, что они наряду с институтами участвуют в структурировании социальных взаимодействий (рыночных обменов, государственного распределения и планирования, корпоративного поведения и т.д.). Однако исследования нарративов не могут, не должны и не заменяют исследования институтов и других факторов, влияющих на экономический выбор. Внимание к нарративам обусловлено двумя значимыми моментами: во-первых, важностью языка для когнитивных процессов при формировании представлений о существующей социальной реальности; во-вторых, присутствующей в нарративах нормативной составляющей, которая в более общей форме содержится в институтах.

В современных социальных науках проблема нарративов получила масштабное отражение. Кроме того, уже более 20 лет в научном сообществе широко обсуждаются вопросы так называемого «нарративного поворота в социальных науках» (*Kreiswirth, 1992; Лехциер, 2013*). Однако существующее многообразие подходов и определений нарративов создает значительные сложности для коммуникации в рамках междисциплинарных исследований: «на методическом уровне понятие нарратива зачастую отождествляется с любыми данными, полученными в ходе качественного интервью, анализ нарративов используется как синоним приемов аналитической работы с подобными данными» (*Кутковская, 2014, с. 24*). Кроме того, традиционно в общественных науках «...под нарративом понимается повествовательный текст, информирующий адресата о событиях и обладающий сюжетом. Нарратив в отличие от простого описания содержит «сюжет». Именно «осюжеченные» тексты несут в себе кладезь информации, ценной для социального исследователя, которому в первую очередь важны не фактуальные данные о событиях, т.е. не то, что излагает автор, а то, как он осмысливает и преподносит информацию значимому другому – своему собеседнику» (*Евстигнеева и Оберемко, 2014, с. 95*). В научной литературе существуют подходы, в рамках которых проводится различие между понятиями нарративов и историй. История (story) определяется как структура, используемая индивидом для обмена опытом и как представление о деятельности. Истории придают смысл для событий прошлого. Нарратив является схемой, используемой людьми, чтобы придать смысл их опыту. Это различие позволяет отслеживать взаимоотношения между индивидуальными историями и культурными нарративами (*Dwyer and Emerald, 2017*).

В современной экономической теории также существует множество трактовок нарративов. Рассмотрим некоторые из них. Акерлоф и Сноуер приводят свою оригинальное определение этого понятия: «Мы можем охарактеризовать “нарратив” как последовательность связанных причинной связью событий и лежащих в их основе источников, разворачивающихся с течением времени, которые могут быть использованы в качестве шаблона при интерпретировании нашего настоящего опыта. Нарративы представляют собой упрощенные резюме событий, которые, как правило,

имеют решающее значение для вопросов баланса – между потребностями индивида и социальной группы, между материальными и нематериальными устремлениями, между личным интересом и альтруизмом, между человечеством и природой и так далее. Эти вопросы имеют ключевое значение, поскольку нарративы неявно предполагают, что баланс в этих сферах играет важную роль для благосостояния человека» (*Akerlof and Snower, 2016, p. 58–59*).

Таким образом, трактовка нарративов Акерлофа и Сноуера акцентирует внимание на том факте, что повторяющиеся события могут со временем быть отражены в схематичной форме в нарративах. Индивиды используют нарративы, с одной стороны, чтобы выразить свою интерпретацию важных событий, вкладывая в содержание историй свой опыт социальных взаимодействий. А с другой стороны, те, кто являются слушателями или читателями историй, получают понимание особенностей социального контекста, в котором происходят взаимодействия. Исходя из нарративов, мы можем лучше понять мотивацию акторов.

Таким образом, с помощью нарративов можно лучше понять правила, нормы и социальные институты того или иного общества, а также объяснить, почему мы должны следовать этим нормам (*Akerlof and Snower, 2016, p. 59*).

Используя исторические примеры из советского прошлого, Акерлоф и Сноуер объясняют, почему именно нарративы позволяют лучше понимать и познавать социальные нормы и институты, в частности связанные с проведением новой экономической политики (нэпа), организацией плановой экономики в СССР, коллективизацией, раскулачиванием и сопряженными с этими процессами социальными и экономическими дисфункциями. Изучение нарративов позволяет исследователям понять внутреннюю логику стимулов и мотивов, которые двигали авторами, а также выявить логику и закономерности происходящих в то время процессов (*Akerlof and Snower, 2016, p. 66–69*).

Именно нарративы дают возможность исследователю определить релевантные стимулы и мотивы акторов, исходя из того или иного культурного, исторического и институционального контекстов. С помощью исследования нарративов мы можем добыть необходимые качественные данные о содержании правил, норм институтов, которые невозможно получить, анализируя исключительно статистические и иные количественные исторические факты. Поэтому нарративный анализ является одним из полезных методов исследования, позволяющий получить лучшую и более реалистичную картину, объясняющую экономические действия, выборы и другие повторяющиеся взаимодействия акторов.

Еще одним важным следствием привлечения внимания к нарративам в ходе экономических исследований является акцент на игнорировании в рамках мейнстрима вопросов, связанных с качественными характеристиками выбора: вниманием, правилами и стимулами, связанными с ними, и мотивами. Экономика мейнстрима игнорирует роль нарративов в формировании и сохранении идентичности, поскольку она предполагает, что предпочтения расположены исключительно в индивидуальном диапазоне. Влияние социальных групп на индивидуальные предпочтения игнорируются (*Akerlof and Snower, 2016, p. 68*).

Акерлоф и Сноуер также отсылают читателя к исследованиям идентичности экономических акторов, которые были осуществлены в начале 2000-х гг. Дж. Акерлофом и Р. Крэнтоном. В своей работе Акерлоф и Крэнтон фактически повторили, используя современные данные и примеры, выводы представителей оригинальной институциональной экономики о необходимости учитывать при анализе принятия решений реальными людьми влияние норм, ценностей и идеалов их социальных групп (*Akerlof and Kranton, 2010*). Также показательным фактом может служить фактическое отсутствие в их книге ссылок на работы оригинальных институционалистов.

Безусловно, включение нарративов в круг релевантных вопросов позволяет значительно увеличить акцент на исследованиях роли социального контекста на

целесообразно, а также определить, какую роль играют при формировании мотивации. Проблема исследования социальной среды заключается в том, что она не является исключительно детерминированной и объективно наблюдаемой, поэтому нарративы могут служить важным инструментом для определения свойств социальной среды с учетом целей деятельности людей и их оценки качественных и нормативных характеристик социальных взаимодействий (*Akerlof and Snower, 2016, p. 70*).

Похожий подход к исследованию нарративов содержится в программной статье Роберта Шиллера, он следующим образом определяет это понятие: «Термином “нарратив” я обозначаю просто историю или просто выраженное объяснение событий, которые многие люди хотят затронуть в разговоре, или в новостях, или в социальных медиа, потому что они (нарративы) могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, и/или потому что, как представляется, они развивают личный интерес. Чтобы выполнять стимулирующую функцию, обычно на него направлен интерес человека, прямой или подразумеваемый. Я (и многие другие) вкладываю в этот термин такой смысл, что нарратив видится как драгоценный камень разговора и может принимать форму необычной или героической истории или даже шутки» (*Shiller, 2017, p. 968*).

Ключевое значение, которое дает Шиллер нарративам, заключается именно в «выраженном объяснении событий». Такие объяснения в нарративах делаются людьми исходя из их субъективного понимания происходящих событий, однако они (объяснения) могут и влияют на поведение акторов. В своей работе Шиллер не упоминает влияния нарративов на институты, однако сравнивает их с мемами. Мем традиционно трактуется как разновидность репликатора для передачи единицы культурной информации или единицы имитации (*Докинз, 2013; Roy, 2017*). Распространение мемов как единиц информации очень подходит для анализа распространения через средства массовой информации нарративов, в которых, например, отражается восприятие кризисных явлений в экономике и что, в свою очередь, может повлиять на поведение акторов. Вообще подход Шиллера к исследованию нарративов ближе всего к поведенческой экономике, где за последние десятилетия произошел значительный прогресс в плане выявления и описания поведенческих отклонений от идеала рациональности в форме максимизации (*Kahneman, Slovic and Tversky, 1982; Kahneman and Thaler, 2006*).

Шиллер предлагает очень интересную модель как аналогию для исследования роли нарративов в экономике – модель распространения вирусов во время эпидемий Кермака – Маккендрика. Используя эту аналогию, можно рассматривать экономические кризисы, пузыри на финансовых рынках как эпидемии, связанные с широким распространением в обществе тех или иных доминирующих нарративов (*Shiller, 2017, p. 974–982*).

Основное препятствие для масштабного применения анализа нарративов в рамках экономической теории Шиллер связывает с трудностями их количественных исследований. Однако развитие цифровых технологий, электронных медиа и социальных сетей, а также инструментов работы с большими данными дает некоторый оптимизм в плане формализации исследования нарративов (*Shiller, 2017, p. 998–999*).

Подход, схожий с концепцией Р. Шиллера к исследованию нарративов, представлен П. Коллиером, где также анализ нарративов связывается с возможностями обобщения информации. Согласно П. Коллиеру, «как таковые нарративы – это истории о реальных событиях, которые просто дополняют непосредственное наблюдение. Потенциально это лишь ускоряет байесовский процесс, посредством которого события, объединяясь, порождают каузальные гипотезы. Однако нарративы могут оказаться особенно полезными инструментами для [формулирования] обобщений, которые необходимы для прогнозирования и интервенций» (*Collier, 2016, p. 8*). Рассматривая нарративы в контексте эволюции дисфункциональных культур, Коллиер связывает их с формированием убеждений и норм поведения. Именно связь историй и нарративов

с нормами поведения дает хорошие исследовательские перспективы для включения нарративов в традиционный институциональный анализ в экономике.

Нарративы могут также служить полезным инструментом для анализа бизнес-процессов. Например, А. Дамодаран показывает важность нарративов в оценке бизнеса и инвестировании. Управление фирмой требует не только сбора данных и анализа показателей, но и формирования истории бизнеса, которая была бы понятна инвесторам. Увлекательный нарратив привлечет больше внимания инвесторов и даст более высокий уровень стоимости компании (*Damodaran, 2017*). Однако исследования нарративов, связанных с организациями, может быть полезным для понимания специфических внутриорганизационных рутин, правил, что также может рассматриваться в институциональном контексте, исходя из понимания природы институтов в рамках оригинальной институциональной экономической теории (*Hodgson, 2006*).

Значительный потенциал влияния нарративов на различные экономические процессы имеют исследования по экономической и бизнес-истории (*Mokyr, 2016*). Нарративы создаются для того, чтобы ими делились и пересказывали с течением времени, и таким образом они могут превращаться в нормативные и когнитивные институты внутри обществ.

Нарративы, правила и институты

Наибольший потенциал для инкорпорирования исследований нарративов имеет институциональная экономическая теория. Институциональная экономика развивается более ста лет, начав свое существование как гетеродоксальное научное направление. Постепенно идеи институционалистов все больше проникают в теории и научный аппарат экономического мейнстрима (*Ходжсон, 2008*).

Традиционно институты изучаются в рамках современных социологии, экономической теории, политологии, социальной антропологии, социальной психологии. По иронии судьбы во второй половине XX в. наибольший прогресс в исследовании институтов был связан прежде всего с экономической теорией, однако это не значит, что вопросов о природе институтов стало меньше. В исследовании институтов экономистам удалось создать «хорошо продаваемый» продукт, что позволило сделать проблему исследования институтов и их влияния на экономическое развитие широко известной и популярной (*Норт, 2005; Мокир, 2016; Грейф, 2006; Асемоглу и Робинсон, 2012*). Популярности экономического подхода к исследованию институтов также способствовало присуждение премий памяти А. Нобеля известным представителям неинституциональной экономической теории: Р. Коузу, Дж. Бьюкенену, Д. Норту, Э. Остром, О. Уильямсону. Кроме представителей неинституционализма многие нобелевские лауреаты также своими исследованиями актуализировали проблематику изучения институтов. Среди них можно выделить знаковые для современной экономической науки фигуры: Г. Саймона, Д. Канемана, Р. Шиллера, Дж. Акерлофа, Дж. Стиглица.

Определений институтов так много, что для их перечисления и анализа не хватит объема одной статьи. Ниже приводятся несколько определений институтов, по которым можно определить эволюцию понимания их роли в обществе с позиции экономистов.

В экономической теории впервые понятие института было включено в анализ Торстейном Вебленом: институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе (*Веблен, 1984, с. 201–202*).

Другой основоположник институционализма, Дж. Коммонс, определяет институт следующим образом: институт – коллективное действие по контролю, освобождению

и расширению индивидуального действия. Коллективное действие, согласно подходу Коммонса, тесно связано с государством и его правовыми институтами, что смещает акцент с «невидимой руки» рынка к «видимой руке» регулирования, связанного с созданием и функционированием действующих правил (*working rules*).

В настоящее время в рамках современного институционализма наиболее распространенной является трактовка институтов Д. Норта: институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Это определение Норта содержит три важнейшие составляющие: правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и структурированные повторяющиеся взаимодействия.

В рамках новейшего неинституционализма показательным является определение институтов Авнера Грейфа, где он подчеркивает их экзогенную природу: «Институт – это система социальных факторов, совокупное влияние которых порождает регулярность поведения. Каждый компонент такой системы является социальным, т.е. рукотворным нематериальным фактором. Он оказывается экзогенным по отношению к каждому индивиду, на поведение которого влияет. Суммарно эти компоненты мотивируют, направляют и делают возможным выбор индивидами одного варианта поведения из множества возможных в данных социальных ситуациях» (*Greif, 2006, p. 30*). В настоящее время в рамках современного институционализма существует множество трактовок институтов, которые могут быть сведены к трем концепциям: институты, основанные на правилах, институты как равновесие в стратегических играх и философская трактовка институтов как системы конститутивных правил (*Hindriks and Guala, p. 460*).

В плане исследования связи нарративов и институтов наиболее близкой является трактовка институтов как правил, что соотносится с большинством приведенных выше определений институтов. Если придерживаться трактовки правил В. Тамбовцева: «правила как описания тех или иных связей действий и результатов (в частности, порождающие регулярности), причем такие описания, которые позволяют (с достаточной надежностью) предсказывать последствия действий» (*Тамбовцев, 2014, с. 137*), то можно предположить, что нарративы, содержащие описание действий в социальном контексте, обобщенный опыт и шаблоны поведения, также могут быть использованы для идентификации релевантных правил для акторов.

Для понимания природы институтов мы должны также учитывать философские и методологические аспекты генезиса данного понятия, которые связаны вопросами языка. Согласно концепции Дж. Серла, институты, как и нарративы, должны рассматриваться в контексте конститутивной роли языка: «Интуитивно нам ясно даже без всякой теории, что язык фундаментален в весьма конкретном отношении: язык может существовать без денег, собственности, правительства или брачных отношений, но нельзя иметь деньги, собственность, правительство или брачные отношения при отсутствии языка. Сложнее уловить ту конститутивную роль, которую играет язык в этих, а в действительности – и во всех социальных институтах» (*Searle, 2005, p. 11–12*).

Говоря о нарративах, мы имеем в виду не все истории, которые рассказывают люди в своей повседневной жизни, а именно те, которые связаны с формированием правил и устойчивых или доминирующих поведенческих паттернов. Нарративы необходимы для успешной коммуникации в экономике. Те, кто рассказывает истории, и те, кто обрабатывает количественные данные, делают одну и ту же работу – они создают новое знание. Именно роль знания для проблемы выбора делает значимой проблему изучения нарративов. Использование нарративов акцентирует внимание на особом виде моделирования экономических и других социальных процессов – использовании индуктивного мышления (*Arthur, 1994*) для выявления и описания множества поведенческих паттернов и институтов, релевантность которых зависит от специфических познавательных характеристик и агента и, главное, его опыта (*Вольчик, 2014*).

Моделирование, основанное на нарративах, не является закрытым или полным. Это всего лишь попытка фиксации исторически и локально специфических паттернов, с помощью которых акторы объясняют окружающий их мир и свои действия в нем (Bookstaber, 2017).

Нарративы важны для отражения контекста, в котором происходят экономические взаимодействия. Структурирование повторяющихся взаимодействий зависит не только от институтов, сами институты интерпретируются акторами исходя из их понимания происходящих процессов.

Концепт доминирующих нарративов может рассматриваться с двух точек зрения: во-первых, как нарративы, влияющие на поведение акторов, участвующих в экономическом выборе; и во-вторых, как нарративы, доминирующие среди самих экономистов, например, позволяющие самим ученым обосновывать теоретическую важность и практическую значимость их научных исследований.

Для экономистов нарративы имеют значение не потому, что они заменяют модели, а потому, что они являются важным фактором, влияющим на экономический выбор любых акторов (если, конечно, мы не понимаем под акторами биржевых роботов). Нарратив может содержать в себе алгоритм, но алгоритм не может быть нарративом без личного участия, рассказывающего и выраженного через повествование опыта.

Нарратив может содержать метафоры, но он не сводится к метафоре как таковой. В нарративе основное значение для экономиста содержится в нормативной составляющей, которая позволяет структурировать повторяющиеся взаимодействия между акторами. Регулярность таких взаимодействий, например, в форме обмена в реальной экономике всегда обусловлена социальным или институциональным контекстом. Нарратив – это отражение в излагаемой истории обобщенного опыта акторов (актора). Такой опыт, в свою очередь, воспринимается читателем (слушателем, потребителем) как описание, связывающее экономическое действие с социальным, историческим и культурным контекстами.

Несколько заключительных замечаний

Включение нарративов в круг релевантных вопросов для экономистов может способствовать построению более реалистичных теорий. Также внимание к нарративам дает большой массив эмпирического материала. Мы можем наметить несколько направлений, где исследования нарративов имеют хорошие перспективы.

1. Экономисты отличительной и главной чертой своего предмета называют феномен выбора (оптимального, максимизирующего полезность, рационального). Включение нарративов при исследовании проблемы выбора позволяет сконцентрироваться не только на количественных информационных сигналах, определяющих выбор (цены, дохода, характеристики товара), но и акцентировать внимание на долгосрочных мотивах и стимулах, которые акторы черпают из распространенных в их окружении нарративов и мемов, принимающих, в свою очередь, форму правил, институтов, рутин. Поэтому включение исследования нарративов в традиционный институциональный анализ позволяет задействовать большой объем эмпирических данных и способствовать реалистичности теорий и рекомендаций для политики.

2. Действие нарративов (их возникновение, отбор и доминирование) связано с феноменами возрастающей отдачи, зависимости от предшествующей траектории развития (эффект колеи). В условиях развития социальных сетей анализ нарративов может быть полезным для качественных исследований субоптимальных институтов и их эволюции.

3. Нарративы влияют на макроэкономические процессы, такие как финансовые пузыри, биржевые крахи, отражают иррациональный оптимизм в различных сферах экономики. В данном контексте анализ нарративов может предшествовать экономическому и институциональному анализу кризисов и антикризисной политики.

4. Нарративы играют большую роль на конкретных рынках при формировании институциональной структуры, а также долгосрочных мотивов. Например, рынок труда и нарративы о тех или иных профессиях, связанные с неденежными факторами (например, исходя из анализа нарративов преподавателей, можно лучше понять их мотивацию и влияние на нее тех или иных стимулов). Здесь исследования нарративов можно использовать для идентификации и проектирования новых институтов.

5. Истории (нарративы), циркулирующие в бизнес-среде, могут определять специфические ограничения и мотивацию среди предпринимателей, а также быть связаны с различными реакциями общества и государства (например, этническое предпринимательство), что может рассматриваться как важный элемент исследований влияния предпринимательской культуры на экономическое развитие.

Институты тоже не всегда были релевантным предметом исследования для экономистов. Но сейчас важность такого исследования не вызывает сомнений. Возможно, так произойдет и с нарративами. Социальный мир вокруг нас усложняется. Это сопровождается развитием технологий и увеличением знания, в частности об обществе и закономерностях его развития. Развитие физических, информационных и социальных технологий и методов исследования дает возможность вплотную приблизиться к анализу влияния нарративов, их содержания и эволюции на фундаментальные процессы в обществе и экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М., с. 201–202.
- Вольчик В. В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // *Terra Economicus*, Т. 1, № 3, с. 36–42.
- Вольчик В. В. (2014). Индуктивное мышление и экономическое поведение // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 6(3), 6–12. DOI: 10.13140/2.1.2241.3762.
- Вольчик В. В. (2015). Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // *Terra Economicus*, Т. 13, № 4, с. 52–64.
- Докинз Р. (2013). Эгоистичный ген. М.: АСТ, Corpus.
- Евстигнеева Н. В. и Оберемко О. А. (2007). Модели анализа нарратива // *Человек. Сообщество. Управление*, № 4, с. 95–107.
- Кругман П., Веллс Р. и Олни М. (2011). Основы экономикс. СПб.: Питер.
- Кутковая Е. С. (2014). Нарратив в исследовании идентичности // *Национальный психологический журнал*, № 4(16), с. 23–33.
- Лехциер В. Л. (2013). Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // *Международный журнал исследований культуры*, № 1(10), с. 5–8.
- Норт Д. (1993). Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, (2), 69–91.
- Тамбовцев В. (2014). Правила как основа институтов // *Общественные науки и современность*, № 3.
- Ходжсон Дж. (2008). Эволюционная и институциональная экономика как новый мейнстрим? // *Terra Economicus*, 6(2), 8–21.
- Acemoglu, D. and Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Random House and London: Profile.
- Akerlof, G. A. and Snower, D. J. (2016). Bread and bullets // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.021.
- Akerlof, G. and Kranton, R. (2010). *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Arthur, W. B. (1994). Inductive reasoning and bounded rationality // *The American economic review*, 84(1), 406–411.

- Bookstaber, R.* (2017). *The End of Theory*. DOI: 10.1515/9781400884964.
- Colander, D.* (2009). 2 Moving beyond the rhetoric of pluralism. *Economic pluralism*. Routledge.
- Colander, D.* (2014). The Wrong Type of Pluralism: Toward a Transdisciplinary Social Science // *Review of Political Economy*, 26(4), 516–525. DOI: 10.1080/09538259.2014.950460.
- Collier, P.* (2016). The cultural foundations of economic failure: A conceptual toolkit // *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 5–24. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.017.
- Commons, J. R.* (1931). Institutional Economics // *American Economic Review*, 21, 648–657.
- Damodaran, A.* (2017). *Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business*. New York; Chichester, West Sussex: Columbia Business School Publishing.
- Dwyer, R. and Emerald, E.* (2017). *Narrative Research in Practice: Navigating the Terrain* // *Dwyer, R., Davis, I., Emerald, E.* (eds) *Narrative Research in Practice*. Singapore: Springer.
- Greif, A.* (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayek, F. A.* (1956). The dilemma of specialization // *The state of social sciences* / Ed. by L. White. Chicago: University of Chicago Press.
- Hindriks, F. and Guala, F.* (2015). Institutions, rules, and equilibria: a unified theory // *Journal of Institutional Economics*, 11(3), 459–480. DOI: 10.1017/S1744137414000496.
- Hodgson, G. M.* (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*, 40(1), 1–25. DOI: 10.1080/00213624.2006.11506879.
- Kahneman, D. and Thaler, R. H.* (2006). Anomalies: Utility Maximization and Experienced Utility // *Journal of Economic Perspectives*, 20(1), 221–234. DOI: 10.1257/089533006776526076.
- Kahneman, D., Slovic, P. and Tversky, A.* (1982). *Judgments under uncertainty. Heuristics and Biases*, Cambridge.
- Kreiswirth, M.* (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*, 23(3), 629. DOI: 10.2307/469223.
- McCloskey, D. N.* (2016). Max U versus Humanomics: a critique of neo-institutionalism // *Journal of Institutional Economics*, 12(1), 1–27. DOI: 10.1017/S1744137415000053.
- Mokyr, J.* (2016). *A Culture of Growth*. Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctt1wf4dft.
- Mordhorst, M. and Schwarzkopf, S.* (2017). Theorising narrative in business history // *Business History*, 59(8), 1155–1175. DOI: 10.1080/00076791.2017.1357697.
- North, D.* (2005). *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Roy, D.* (2017). Myths about memes // *Journal of Bioeconomics*, 19 May. DOI: 10.1007/s10818-017-9250-2.
- Searle, J. R.* (2005). What is an institution? // *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22. DOI: 10.1017/S1744137405000020.
- Shiller, R. J.* (2017). Narrative Economics // *American Economic Review*, 107(4), 967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.

REFERENCES

- Acemoglu, D. and Robinson, J. A.* (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Random House and London: Profile.
- Akerlof, G. A. and Snower, D. J.* (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.021.
- Akerlof, G. and Kranton, R.* (2010). *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Arthur, W. B.* (1994). Inductive reasoning and bounded rationality. *The American economic review*, 84(1), 406–411.

- Bookstaber, R.* (2017). The End of Theory. DOI: 10.1515/9781400884964.
- Colander, D.* (2009). 2 Moving beyond the rhetoric of pluralism. *Economic pluralism*. Routledge.
- Colander, D.* (2014). The Wrong Type of Pluralism: Toward a Transdisciplinary Social Science. *Review of Political Economy*, 26(4), 516–525. DOI: 10.1080/09538259.2014.950460.
- Collier, P.* (2016). The cultural foundations of economic failure: A conceptual toolkit. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 5–24. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.017.
- Commons, J. R.* (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*, 21, 648–657.
- Damodaran, A.* (2017). *Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business*. New York; Chichester, West Sussex: Columbia Business School Publishing.
- Dawkins, R.* (2013). *A selfish gene*. М.: AST, Corpus. (In Russian).
- Dwyer, R.* and *Emerald, E.* (2017). *Narrative Research in Practice: Navigating the Terrain* // *Dwyer R., Davis I., Emerald E.* (eds) *Narrative Research in Practice*. Singapore: Springer.
- Evtigneeva, N. V.* and *Oberemko, O. A.* (2007). Narrative analysis models. *Human. Community. Management*, 4, 95–107. (In Russian).
- Greif, A.* (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayek, F. A.* (1956). The dilemma of specialization. The state of social sciences. Ed. by L. White. Chicago: University of Chicago Press.
- Hindriks, F.* and *Guala, F.* (2015). Institutions, rules, and equilibria: a unified theory. *Journal of Institutional Economics*, 11(3), 459–480. DOI: 10.1017/S1744137414000496.
- Hodgson, G. M.* (2006). What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, 40(1), 1–25. DOI: 10.1080/00213624.2006.11506879.
- Hodgson, G. M.* (2008). Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? *Terra Economicus*, 6(2), 8–21. (In Russian).
- Kahneman, D.* and *Thaler, R. H.* (2006). Anomalies: Utility Maximization and Experienced Utility. *Journal of Economic Perspectives*, 20(1), 221–234. DOI: 10.1257/089533006776526076.
- Kahneman, D., Slovic, P.* and *Tversky, A.* (1982). *Judgments under uncertainty. Heuristics and Biases*, Cambridge.
- Kreiswirth, M.* (1992). Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*, 23(3), 629. DOI: 10.2307/469223.
- Krugman, P., Wells, R.* and *Olney, M. I.* (2011). *Essentials of Economics*. St. Petersburg: Peter. (In Russian).
- Kutkovaya, E. S.* (2014). Narrative in the study of identity. National psychological journal. *National Psychological Journal*, № 4(16), 23–33. (In Russian).
- Lekhtsier, V.* (2013). Narrative Turn and the Actuality of the Narrative Mind. *International Journal of Cultural Research*, 1(10), 5–8. (In Russian).
- McCloskey, D. N.* (2016). Max U versus Humanomics: a critique of neo-institutionalism. *Journal of Institutional Economics*, 12(1), 1–27. DOI: 10.1017/S1744137415000053.
- Mokyr, J.* (2016). *A Culture of Growth*. Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctt1wf4dft.
- Mordhorst, M.* and *Schwarzkopf, S.* (2017). Theorising narrative in business history. *Business History*, 59(8), 1155–1175. DOI: 10.1080/00076791.2017.1357697.
- North, D.* (1993). Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. *THESIS*, (2), 69–91. (In Russian).
- North, D.* (2005). *Understanding the Process of Economic Change*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Roy, D.* (2017). Myths about memes. *Journal of Bioeconomics*, 19 May. DOI: 10.1007/s10818-017-9250-2.
- Searle, J. R.* (2005). What is an institution? *Journal of Institutional Economics*, 1(1), 1–22. DOI: 10.1017/S1744137405000020.

Shiller, R. J. (2017). Narrative Economics. *American Economic Review*, 107(4), 967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.

Tambovtsev, V. (2014). Rules as the basis of institutions. *Social Sciences and Contemporary World*, 3. (In Russian).

Veblen, T. (1984). The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. М. (In Russian).

Volchik, V. V. (2003). The failures of economic theory and the dependence on the previous path of development. *Terra Economicus*, 1(3), 36–42. (In Russian).

Volchik, V. V. (2014). Inductive reasoning and economic behavior. *Journal of Institutional Studies*, 6(3), 6–12. DOI: 10.13140/2.1.2241.3762. (In Russian).

Volchik, V. V. (2015). Interdisciplinarity in economic science: Between imperialism and pluralism. *Terra Economicus*, 13(4), 52–64. (In Russian).